

ВРЕМЯ НЕ ВОССТАНАЕТ СЯ,
НО ВСЕГДА ДАЁТ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ.

НЕ ВАЖНО,
СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ
У НАС ЕСТЬ.
ВАЖНО,
ЧЕМ МЫ ЕГО
НАПОЛНЯЕМ.

ЭЛИКСИР ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЯ О ТОМ, ЧТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Яша Подорожный
Эликсир Времени

«Автор»

2026

Подорожный Я.

Эликсир Времени / Я. Подорожный — «Автор», 2026

Говорят, жизнь весьма разнообразна и многогранна. С рождения до 10 лет она одна, с 10 до 20 совсем другая, не такая как предыдущая, с 20 до 30 она третья, не похожая на две первые и так далее. «Эликсир Времени» — это пронзительная, кинематографичная и глубокая история о том, что время невозможно повернуть вспять, но никогда не поздно наполнить его настоящей, неразбавленной любовью. Главный вопрос, который оставляет после себя эта книга, заключается вовсе не в том, сколько именно времени отпущено каждому из нас. Вопрос лишь в том, чем мы наполняем это время. Прямо сейчас. Пока оно у нас есть.

© Подорожный Я., 2026

© Автор, 2026

Яша Подорожный

Эликсир Времени

Эликсир Времени: полная версия книги

Пролог. Сон

Ему снился отец.

Отец умер весной тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, тридцать девять лет назад. Время давно стерло из памяти Ивана Петровича мелкие черты его лица, оставив лишь тяжелые, въевшиеся контуры: запах крепкого табака «Ява», острое амбре машинного масла и пота. Отец всю жизнь, от звонка до звонка, отдал заводу. Руки у него были огромные, мозолистые, со сколотыми, потемневшими от въевшейся мазуты ногтями. Он никогда не обнимал сына. Ни разу за всю жизнь. Но иногда, когда думал, что остался незамеченным, смотрел на Ваню издали. Долго, пристально, словно изучал чертеж сложного узла. Словно собирался сказать что-то самое важное — и не находил слов.

Во сне отец был молодым, тридцатилетним. На нем была та самая фланелевая рубашка в крупную сине-черную клетку, которую Иван Петрович помнил с дошкольного детства. Отец сидел на деревянной табуретке посреди абсолютно пустой, залитой ровным белым светом комнаты. В ней не было ни окон, ни дверей. Только глухая белизна, табуретка и отец.

— Садись, — негромко произнес отец. Голос его прозвучал глухо, без эха.

Иван Петрович сел. Под ним не оказалось мебели, но он зафиксировался в пространстве. Во сне это казалось естественным, как само дыхание.

— Ты устал, — сказал отец. Это был не вопрос, а констатация факта.

— Устал, — эхом отозвался Иван Петрович.

— Я знаю. Я все вижу.

Отец замолчал, разглядывая свои сложенные на коленях ладони. На заводе такую паузу держали перед запуском тяжелого конвейера.

— Тебе дадут еще одну попытку, — наконец произнес он, подняв глаза. — Но не думай, что это подарок или милость. Это работа. Тяжелая, изнурительная смена. И времени у тебя будет в обрез.

— Сколько? — спросил Иван Петрович, чувствуя, как к горлу подступает холодный комок.

— Один день — один год, — отчеканил отец. — Запомни крепко. Один день равен одному году.

— Я не понимаю...

— Поймешь, когда проснешься. Спускайся в подвал. Термос в нише, за трубой отопления. Ты ведь помнишь, за какой.

Иван Петрович знал эту нишу. В доме на Ленинском проспекте, за толстым, вечно горячим стояком, была глубокая каверна в кирпичной кладке. В юности он прятал туда завернутые в газету папиросы, а позже — редкие дефицитные книги.

— Один глоток — десять лет назад, — продолжал отец, и его фигура начала медленно растворяться в белом мареве комнаты. — Внутри всего пол-литра. Посчитай сам, инженер, сколько у тебя попыток.

— А если я откажусь? Если не хочу? — крикнул Иван Петрович в пустующую белизну.

Отец посмотрел на него в последний раз — тем самым долгим, пронзительным взглядом из его детства.

— Тогда ты просто умрешь, Ваня. Как все. В этом нет ничего страшного. Но ты ведь пришел сюда не за этим.

— Я не приходил. Я сплю в своей кровати!

— Это одно и то же, — донесся уже едва различимый шепот. — Ты всегда приходил сюда. Просто забывал, когда просыпался.

Отец шагнул вперед, и Иван Петрович почувствовал на своем плече тяжелую, мозолистую ладонь. Она была настоящей, горячей. Это было первое прикосновение отца за всю его жизнь.

— Иди. И не оглядывайся. Там, внизу, времени на оглядки не будет.

Иван Петрович распахнул глаза.

Глава первая. Утро

Он проснулся ровно в шесть утра. За семьдесят восемь лет жизни изношенное тело превратилось в безотказный часовой механизм, поднимавший его с постели без всяких будильников. Хотя торопиться Ивану Петровичу было абсолютно некуда. Календарь на тумбочке безлико напоминал: на дворе 2026 год.

Однокомнатная квартира встретила его привычной, глухой тишиной. Сын давно обосновался в Новосибирске, дочь — в Екатеринбурге. Они звонили по выходным, сухо, дежурно, раз в месяц, а то и реже. Внуки, выросшие в гаджетах, не звонили вовсе — для них дед был лишь далеким архивным родственником. Старый сиамский кот, последний свидетель его прежней жизни, окошел три года назад.

Иван Петрович, шурша старыми тапочками, проковылял на кухню. Щелкнул тумблер электрического чайника. Старик сел на табурет, уперевшись ладонями в сухие, хрустящие колени. За окном расстился серый московский двор: сонная дворничиха со скребком, облез-

лая лавочка, жирные голуби у помойного бака. Обычное утро одинокого пенсионера. Завтра будет точно такое же. И через год — если доживет.

Он медленно цедил безвкусный чай, а в голове назойливой мухой крутился ночной сон. Белая стерильная комната. Клетчатая рубашка. «Один день — один год... Термос за трубой».

— Бред сивой кобылы, — вслух произнес Иван Петрович.

Его собственный голос показался ему чужим и скрипучим. Он слишком долго ни с кем не разговаривал. Помыв чашку, он аккуратно вытер ее полотенцем и поставил в шкаф. Но вместо того, чтобы включить телевизор, Иван Петрович оделся, взял связку ключей и вышел на лестничную клетку.

Он пошел в подвал не потому, что поверил покойному отцу. Просто в его жизни больше не осталось иных смыслов, кроме как проверять глупые сны.

Глава вторая. Термос

В подвале пахло сыростью, подгнившей картошкой и застоявшейся ржавой водой. Одинокая тусклая лампочка под потолком мигала, погружая углы в зыбкие тени. Иван Петрович шел медленно, осторожно переставляя ноги и придерживаясь за влажную бетонную стену. Каждый шаг отзывался тупой, привычной болью в тазобедренном суставе. Обычный артрит, неизлечимый маркер старости.

Он безошибочно нашел нужный поворот и приблизился к магистральному узлу отопления. Вот она, заветная ниша за толстой трубой, укутанной в клочья минеральной ваты. Иван Петрович протянул дрожащую руку в темноту каверны. Пальцы, испачкавшись в вековой паутине и крошечке крошащегося кирпича, наткнулись на что-то твердое и холодное.

Он потянул предмет на себя.

Это был старый термос. Тяжелый, из тусклого нержавеющей металла, с глубокой продольной вмятиной на боку — такие выпускали на оборонных заводах в конце семидесятых. Термос весил ровно столько, сколько весит сосуд, до краев наполненный жидкостью. Иван Петрович с трудом, преодолевая сопротивление старой резьбы, открутил массивную металлическую пробку.

Внутри была жидкость — кристально прозрачная, без малейшего намека на запах или осадок. С виду — обычная водопроводная вода. Но инженерное чутье подсказывало: здесь крылось что-то другое. Это знание шло не от логики, а откуда-то изнутри, из глубин ночного сна.

Он закрутил пробку, поставил термос на земляной пол и тяжело опустился рядом, прильнув спиной к прохладной кирпичной кладке.

— Пол-литра, — прошептал старик в темноту. — Один глоток — десять лет. Один день — один год.

Его математический ум, привыкший к точным расчетам, мгновенно выдал калькуляцию. Средний мужской глоток — это примерно двадцать-двадцать пять миллилитров. Значит, в термосе скрывалось чуть больше двадцати порций. Двадцать глотков по десять лет. Двести лет потенциального пути.

— Безумие. Старческий маразм, — констатировал он, но рука, лежащая на корпусе термоса, отчетливо уловила едва заметную, ритмичную пульсацию. Словно под слоем стали билось живое, теплое сердце.

Иван Петрович сидел на холодном полу подвала очень долго. Час, может, два. Мимо его внутреннего взора проносились вся его серая, бестолковая жизнь.

Он вспомнил Тому. Свою Тамару. Вспомнил, как двенадцать лет назад она угасала на больничной койке от неоперабельного рака четвертой стадии. Она высохла, превратилась в тень самой себя, но до последнего дня держала его за руку и шептала: «Прости меня, Ванечка...». За что она просила прощения? За то, что оставляет его одного в этом пустом мире? Он тогда так и не нашел в себе сил спросить. А теперь спрашивать было некого.

Он вспомнил детей. Их поспешный отъезд из Москвы. Они уезжали со словами: «Пап, ну ты же приедешь в гости? Мы обустроимся и заберем тебя». Он кивал, обещал, но поезда и самолеты уходили без него. Время текло, как песок сквозь пальцы, и теперь они стали чужими людьми, объединенными лишь общей фамилией.

Он вспомнил отца, умершего в пустой больничной палате в разгар рабочей недели. Иван Петрович тогда застрял на каком-то пустяковом совещании и опоздал всего на один час. Когда он вбежал в отделение, отец уже остывал под белой простыней. Дежурная медсестра тогда сунула ему в руку помятый паспорт покойного и тихо сказала: «Он до последнего вздоха вас ждал, мужчина. Все звал: „Ваня, Ваня придет...“».

Жизнь промелькнула, как пейзаж за окном скорого поезда. Мелькали полустанки, лица, события, а Иван Петрович все откладывал самое важное на потом, думая, что впереди еще вагон времени. И вот время вышло. Он остался один на конечной станции.

Старик решительно перехватил термос, открутил крышку и поднес горлышко к губам.

Вкуса не было. Вообще никакого. Только пронзительный, космический холод, словно он за один раз заглотил кусок полярного айсберга. Иван Петрович судорожно сглотнул.

В ту же секунду из глубины живота вверх, к грудной клетке, рванула бешеная волна сухого, обжигающего жара. Сердце внутри совершило тяжелый, болезненный кувырок и затихло. В глазах полыхнула ослепительная вспышка белого магния, и сознание старика рухнуло в бездонную, стремительно вращающуюся темноту.

Глава третья. 2016

Он пришел в себя на постели. Иван Петрович резко сел, тяжело и глубоко дыша, словно только что вынырнул из глубокого омут.

Первое, что он зафиксировал, были физические ощущения. Тело. Оно больше не ныло привычной, изматывающей старостью. Позвоночник распрямился, исчез зажим в пояснице, а колени, которые еще полчаса назад хрустели при каждом движении, были легкими и послушными. Это было его тело, но образца десяти-двенадцатилетней давности.

Он огляделся. Комната была залита мягким утренним светом. Иван Петрович перевел взгляд на стену и замер. Там висел настенный календарь с репродукцией картины Левитана «Золотая осень». Наверху крупными цифрами было отпечатано: 2016 год. Он помнил этот календарь. Тома купила его в киоске «Союзпечать» незадолго до того, как...

Избалованное обоняние уловило тонкий, забытый до боли запах. С кухни пахло свежесваренным на песке кофе и поджаренным хлебом. Это был запах дома. Запах живой квартиры.

Иван Петрович рывком встал с кровати. В одних трусах, босиком по паркету, он бросился по коридору на кухню.

Она стояла у плиты. Его Тамара. Живая.

Ее каштановые волосы были слегка растрепаны после сна, на плечах — старый байковый халат. Силуэт ее был прежним — подтянутым, здоровым, еще не изломанным безжалостной химиотерапией. Услышав шаги, она неторопливо обернулась и тепло улыбнулась ему:

— Доброе утро, полуночник. Чего ты вскочил в такую рань? Воскресенье же, поспал бы еще.

Иван Петрович застыл в дверном проеме. Логика советского инженера окончательно капитулировала перед реальностью. Он смотрел на мелкую родинку на ее шее, на то, как она держит кофейную ложечку, на ее ровное, спокойное дыхание. Она была здесь. Настоящая.

Слезы хлынули из его глаз сами — крупные, горячие, они катились по щекам, застревая в щетине. Старик, запертый в теле шестидесятивосьмилетнего мужчины, зарыдал навзрыд, плечи его судорожно затряслись.

— Вань? — Тамара испуганно поставила турку на конфорку и сделала шаг к нему. — Господи, Ванечка, что с тобой? Что случилось? Плохой сон приснился?

Он сделал шаг навстречу, рухнул перед ней на колени и обнял ее за талию, уткнувшись лицом в мягкий, пахнущий лавандовым кондиционером халат. Он сжимал ее так крепко, словно пытался удержать саму ускользающую жизнь.

— Ничего... Томочка, ничего, — сипло, сквозь рыдания выдавил он. — Просто... просто я так сильно тебя люблю. Прости меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.